

Десять дней Чернозуба

Еще совсем недавно об опыте тюремного заключения мы узнавали из довлатовской «Зоны», «Одного дня Ивана Денисовича» и других «тематических» произведений. Заключение было окутано романтическим трагизмом, отзывалось отдаленным эхом «страшных времен». Теперь вдруг выяснилось, что попасть в подобную ситуацию может любой прохожий на улице, независимо от своих убеждений или действий. Значит ли это, что опыт пребывания в тюрьмах и следственных изоляторах становится до нелепого актуален? И что делать потом, оказавшись на воле, с тем, что ты пережил?

Гражданский активист и публицист Всеволод Чернозуб рассказывает без всякой политики, чисто по-человечески о том, как ему сиделось первые десять суток в его жизни...

Правозащитник, член московской «Солидарности», журналист

«Культиватор»: Расскажи, как ты оказался в тюрьме?

В.Ч.: Была акция, так называемый «конопляный марш». Несколько человек задержали, и небольшая группка единомышленников пошла проведать тех, кто попал в отделение. Из отделения нас грубо попросили, но потом вдруг почему-то самих повинтили на выходе. То есть нас попросили выйти — мы вышли. Но потом — то ли для порядка, то ли людей было мало задержано на акции, — нас задержали тоже. Кого-то придушили, нескольких девушек ударили. Мне заломали руку, чтобы я не дергался, и заволокли по ступенькам в отделение, в так называемый «обезьянник». В итоге получилось, что в нем нас набилось больше десяти человек.

К.: Вы там одни сидели?

В.Ч.: Бывает, что милиция ловит еще всяких мигрантов, и пока они не откупятся, их не отпускают. Но в этот раз сидели только те, кого забрали на акции.

На нас стали заполнять протоколы, кого-то немного побили. Меня тоже обещали побить после того, как я стал выпендривать-

ся, требуя соблюдения хоть каких-то минимальных конституционных норм, типа нормального заполнения протоколов. Среди нас было несколько человек, которые вообще первый раз задерживались. И чтобы на них не давили, я стал пытаться поговорить со «стражами порядка». В итоге мне сначала пригрозили, а потом пересадили в отдельную комнату с тремя полицейскими и отобрали телефон. Я успел только позвонить своему защитнику.

Так мы сидели до вечера, пока милиция договаривалась с судьей. За нами прислали машину и отвезли в суд. Причем, нас судили в выходной день, в субботу вечером. Поскольку сидеть пришлось долго, то ели мы то, что нам друзья передавали через адвоката. В самом суде мы тоже застряли — очень долго рассматривались дела.

Первыми судили девочек. По трем статьям. Но их отпустили. Потом одного из нас посадили на пятнадцать суток, несовершеннолетнего забрала мама, а мы всё сидели. Это было настолько долго, что в какой-то момент я просто уснул на столе в суде и так проспал до четырех часов утра. В четыре утра меня разбудили и стали судить. Но так как у меня был защитник, то дело затянулось. Он подавал кучу ходатайств за меня, которые все время отклоняли. Вокруг сидело много полиции. Они и говорили, что кому давать: сроки, штрафы...

Обычно, когда девушек судят первыми, то парням дают какие-то сутки. Когда я услышал, что мне дают 10 дней, меня охватило могучее внутреннее чувство несправедливости — хотя в 6 утра трудно сильно возмущаться. Я вроде бы понимал, что к этому дело шло, но были очень сложные чувства: к судье, что она такая продажная дрянь, что полицейские, которые нас не забирали, указывали, кому что давать, что свидетелей всех послали... У меня была не столько обида, сколько тотальная неприязнь к судье. К ситуации. Понимаешь, что будет что-то не особо хорошее, но в то же время прогнозируемое, но ты совершенно беспомощен. Совершенно.

К.: Ты воспринимал судью персонально или обезличенно?

В.Ч.: Обезличенно воспринимаешь скорее полицейских, если они не особо хамят. У тебя нет никаких высоких моральных

ожиданий по отношению к таким людям. Они работают на понятной работе, и если ты видишь при попадании в отделение, как они между собой общаются, как по вечерам напиваются в отделениях, снимают деньги с мигрантов, то у тебя нет никаких ожиданий — эти люди как сказали, так и сделают. Особенно это видно по ОМОНу. Людям скажут разгонять — они разгоняют, стрелять — стреляют.

К.: Но ведь это их работа?

В.Ч.: Работа. Но у них у самих должно быть некоторое представление о законе. Его понимание. А для них представитель закона — это их начальник. Хотя они, в общем, защищены конституционно. То есть, они имеют право не исполнять незаконные приказы. А за исполнение незаконных приказов несут уголовную ответственность.

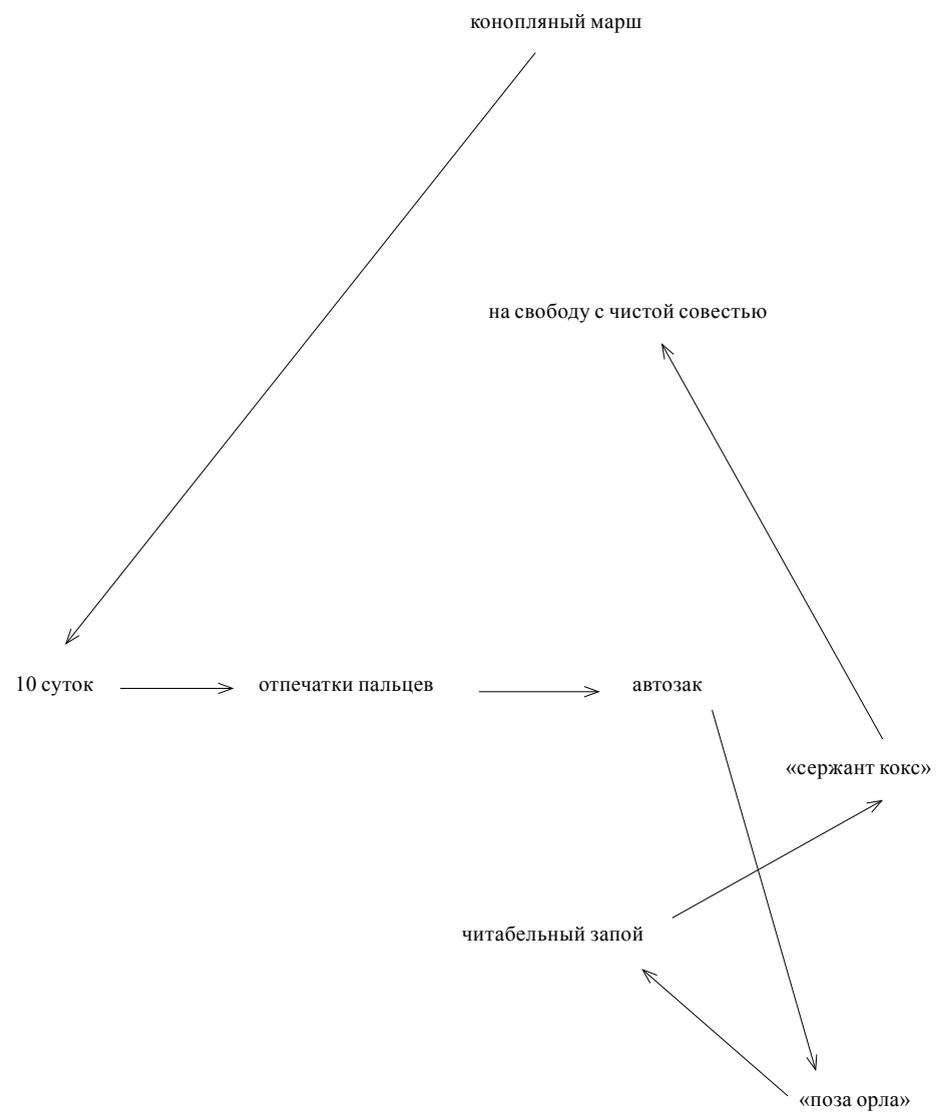
К.: Мы немного отвлеклись...

В.Ч.: Да. Так вот, неприязнь к судье и понимание, что ты оказываешься совершенно беспомощным на то время, на которое тебя изолируют. И не можешь ничего изменить в этой несправедливости. Нас привезли обратно в отделение, откуда забрали. Там нас оформили, записали протоколы, отняли все сумки и вещи. Неприятной процедурой было снятие отпечатков пальцев. Там еще был очень неприятный сотрудник — худенький, очень маленького роста... Наверное, он какое-то особое удовольствие получает или особую власть чувствует, когда «откатывает» людям пальцы.

К.: Как это происходит?

В.Ч.: Существует специальная бумажка с очерченными для каждого пальца полями. И валик, который катают по чернилам, а потом обкатывают руку и прикладывают к бумажке нужные пальцы. Потом моешь руки. Но эти чернила сразу не смываются. И руки потом слегка синенькие, в синеньких пятнышках.

Так вот, этот человек все время приговаривал, что хорошо бы меня посадили к уголовникам (а уголовника, чего бы он ни сделал, сразу сажают на 15 суток), у них свои понятия. Или к бомжам.

Культиватор: То есть был риск, что вас могут посадить к каким-то, мягко говоря, неприятным людям?

В.Ч.: Да, риск был. Но этот человек понимал, что это вряд ли случится, он просто издевался и испытывал удовольствие от того, что так нас пугал. Может, хотел проучить.

К.: Может, он был недоволен, что вы тратите его чернила?

В.Ч.: Не думаю, ему ведь их выписывают. Для него чем больше пальцев откатаешь, тем лучше. Там же административный план — надо откатать столько-то пальцев. А у каждого две руки.

Еще нас сфотографировали в профиль и анфас. Тоже было смешно: словно герой фильма, хотя таких табличек полосатых не было — фотографировали на фоне обычной стены. Правда, на ней висела какая-то мишень или был пистолет нарисован. Но снимали обычной цифровой мыльницей со вспышкой.

К.: А если моргнул?

В.Ч.: Не знаю. Наверное, важно зафиксировать черты лица. Прямо так и чувствуешь себя злостным преступником или хулиганом. Тем более, статья у меня была — «невыполнение законных требований сотрудников полиции».

Потом нас перевели из «обезьянника» в специальную камеру, которая наглухо закрывалась толстой-толстой дверью, 10 см толщиной. Там даже света не было. Он пробивался через маленькое окошечко в двери, через которое смотрит полицейский.

Посадили нас всех шестерых, а того, которого осудили раньше, посадили одного в соседней камере. Он объявил голодовку, потому что считал сотрудников милиции фашистами. Обмотался флагом и так сидел. А мы лежали на плоском деревянном настиле. В камере отделения нет кроватей. И там очень холодные стены, бока от стены морозило. А так, если лежать вповалку, то можно было бы и больше народу положить.

Вот так мы сидели, пили водичку. Потом утром мама приходила...

К.: Что она тебе сказала?

В.Ч.: Мне не дали с ней увидеться. Просто вернули ненадолго телефон, и я смог с ней поговорить. Ну, обсуждаешь ведь не философские вещи, а какие-то сугубо практичные. Конечно, для нее это было большим потрясением. Если для меня то, что со мной произошло, было в логике событий, то для людей, которые не знают всей истории, это, конечно, большой стресс. Вот и говоришь просто: спасибо, что принесли то-то, позвони тому-то, скажи то-то...

На следующий вечер нас отвезли в изолятор. Везли в автозаке — тюрьме на колесах. Был с нами один парень, который весил больше ста килограммов. А как устроен автозак — там есть лавочка, на которой умещается пять-шесть человек, и есть «стаканы» — одиночные «камеры хранения». «Стакан» закрывается наглухо железной дверью с несколькими дырочками для вентиляции. Вот этого парня засунули в «стакан», и он медленно туда втекал...

К.: Ты до этого когда-нибудь попадал в автозак?

В.Ч.: Я один раз ездил в таком «стакане» в суд. Но туда сел сам, так как при неформальной перевозке дверь в стакан не закрывается, и полиции все равно, где ты сидишь.

К.: И куда вас повезли?

В.Ч.: Нас перевезли в изолятор для административно задержанных. В дореволюционные времена это была кафешка-бордель, потом — отдел НКВД, потом — изолятор для мигрантов, которые ждали депортации. Люди там жили по полгода. Кто-то сходил с ума, начинал пилить решетки, и в результате их поставили под электричество. Это нам рассказывали те, кто давно работал или просто был осведомлен об истории этого места.

В изоляторе нас встретил начальник смены, у которого были очень странные шутки. Он забирал у кого-то флаг и приговаривал: «Что ж ты это, флаг еще вывесишь, а мне надо быть бдительным от этого», — и смеялся очень сильно. Меня сначала не хотели брать, потому что не было документов. Я их отдал своему защитнику. Вместе с карточкой на метро, чтобы ее не сломали или не украли.

Но защитник вечером довез все необходимые документы. Так что меня тоже там расположили.

К.: И как там все выглядит?

В.Ч.: Ну как... Кругом решетки. Тоже словно в каком-то фильме про тюрьму. Начальник смены вел себя более или менее неформально, а еще в смене были два парня, которые постоянно бухали.

Ходишь по изолятору без наручников. Нам выдали какие-то тоненькие матрасики, подушки и очень подозрительное постельное белье. Мыться положено раз в неделю, но душ там сломался, может, еще со времен борделя или НКВД.

И вот в первую ночь начинается: матрас очень тонкий, а кровать, привинченная к полу, с сильно провисающей металлической сеткой, от которой матрас никак не спасает. И лежишь в очень неудобном положении практически на железяках, едва прикрытых тонким матрасом. Пытаешься подложить свитер, но в помещении холодно, хотя все это было в мае. Дом очень старой постройки и почти не прогревается. Несмотря на теплые батареи, носки высыхали только за день, да и то больше из чувства солидарности и справедливости они это делали. Водичка шла часов в 11-12, можно было поймать чуть теплую водичку.

К.: У вас в камере была раковина?

В.Ч.: Да. Там прямо в камере была раковина и еще маленький унитазики вмонтирован, зацементированный и устроенный вроде подиума.

К.: Приходилось ходить в туалет при всех?

В.Ч.: Ну, я пытался играть в игру «не сри при всех». Допустим, идешь в столовую, а потом говоришь ментам: «Ой как хочу в туалет!» — и идешь в ментовский сортир. Или, когда везут в суд на апелляцию, можно воспользоваться судебным толчком. Но если очень надо — значит, ходишь при всех. Мы в шутку это называли «сесть в позу орла». Человек так садится, нахлобучивается на этом очке и начинает делать свое дело.

К.: Неприятно, наверное, особенно «орлу»...

В.Ч.: Ну, смешно скорее. Потому что понимаешь, что это как в подводной лодке — отсюда никуда не убежишь. Но все равно немного как-то защищаешься внутренне от происходящего. Поэтому некоторые иногда начинали смеяться, если кто-то громко пукнет, или срочно просили закурить, чтобы заглушить вонь. И если кто-то издавал какие-то особо подозрительные звуки или запахи, мы все синхронно закуривали, чтобы убить запах.

К.: Вы там и курили?

В.Ч.: Ну, были такие, которые до этого не курили, но сидя за решеткой тоже закурили. Один под конец все-таки снова бросил. До сих пор не курит. Сначала нас все называли наркоманами — нас же посадили за участие в «конопляном марше». Но потом перестали, мы стали общаться с полицейскими. У нас была очень необычная камера, поскольку нас всех посадили вместе. И менты удивлялись, что например, вся камера лежит и читает.

Однажды была очень забавная ситуация. Передачи нам давали в то время, когда мы находились в столовой. И вот как-то приходит полицейский, приносит два рулона туалетной бумаги и «Кодекс административных правонарушений». Кстати, нам приносили еду, чтобы мы не очень зависели от тюремной кухни. Кормили там не особо плохо. Те, кто там сидел реальные сроки — эзки какие-то, для которых пятнадцать суток как слону дробина, — говорили, что здесь отлично кормят. Потому что на зонах люди с ума сходят с голоду. А у нас были макароны, даже какие-то консервы — килька в томате иногда была. Баланда. Ели мы из алюминиевых мисок, как полагается, но не было ножей, не было вилок — только ложки. И сахар приходилось размешивать обратной ее стороной. Хотя сахар нам давали только в передачах. Но это один из немногих в Москве изоляторов, где в техническом отношении все было нормально.

К.: Вы все время сидели в помещении?

В.Ч.: Нет, нас выводили на прогулки. У нас были разные смены охранников, каждый день они менялись. И одна смена была очень неприятная. Их даже начальник предыдущей смены, капи-

тан, называл «шреками». Они ему очень не нравились. И они действительно были такие толстые и очень неприятные люди. А была смена, которая с нами не разговаривала, но и пакостей не делала. Не отрывала, например, фильтров от сигарет.

К.: Зачем это?

В.Ч.: Ну, вообще раньше полагалось отрывать фильтры. Фильтр расплавляется и приплющивается. После того, как он застывает, получается вполне острая вещь. И вот нам как-то принесли пакет оторванных половинок сигарет — кто-то принес нам два блока сигарет, — и мы были расстроены. Что тут скажешь. Попросили в эту смену больше ничего не приносить. Смена — это одни сутки. Под вечер многие менты напивались. А когда наша сборная обыграла в хоккей кого-то, нам не выключали свет на ночь. Типа, праздник. Ходили пьяные менты, открывали двери, спрашивали заплетающимися языками, гасить ли нам свет. А мы спрашивали, как там наши — победили? И мы вместе радовались.

К.: Не страшно, когда они пьяные?

В.Ч.: Большинство из тех, кто там работает, они просто охраняют. У них нет таких соблазнов, как у обычных милиционеров. Они никого не ловят, ни с кого не стрясают деньги. Там много людей из Подмоскovie. У них своя семья, подсобное хозяйство, у кого-то даже есть поросенок и еще какая-то живность. Для них это просто средство получить льготы. Сутки работаешь, трое отдыхаешь, какая-никакая зарплата и серьезные социальные льготы. А остальное время он живет с семьей. Эти люди абсолютно индифферентны. В этом смысле они не агрессивны.

К.: Но есть и другие?

В.Ч.: Уличные полицейские, которые работают в отделениях, очень агрессивны. Они живут в городе и чувствуют, что они принадлежат к маргинальному слою. У них очень маленькая зарплата и полное отвержение со стороны общества. Их никто не любит, кроме самих полицейских. Да и многие полицейские сами не любят то место, где работают. Так вот, первое время нас называли наркоманами, а

потом стали называть политическими, когда мы им все разъяснили.

К.: Они с вами прямо общались?

В.Ч.: Да, общались. Некоторые даже спорили. Часто во время прогулок это было. Это когда тебя выводят во внутренний дворик, там такой вольерчик, как в зоопарке. Есть крыша — можно гулять под дождем — и решетка, а сзади стена. Теоретически каждый заключенный имеет право на час прогулки в день. Но во многом это зависит от настроения охраны. Вот и сидишь на лавочке, если солнышко, дышишь. Некоторые расхаживают, чтобы размяться. Когда столько сидишь, очень сильно дряхлеешь, появляется моторная апатия. Для зарядки в камере мало места. И воздуха. Тем более, там стоит неприятный запах пота. А на улице старались висеть на решетках — растягивать спину, или быстро ходили от забора до забора. В камере мы либо лежали, либо сидели на этих кроватях. Много курили. Я там прочитал три или четыре книжки — давно столько не читал. Просто читательный запой у меня наступил.

К.: Окружающие не мешали тебе читать?

В.Ч.: Поскольку там были все свои, у нас была такая анархическая вольница. Все читают и читают. Если обсуждают, то либо просят потише, либо присоединяются к разговору. Конфликтов за эти две недели у нас не было. Люди подобрались неконфликтные. И немножко другой уровень общения. Никому ничего доказывать не надо. Просто использовали это время, чтобы поговорить и почитать. Хотя свет там был не очень хороший. Не так, как дома возле лампы. Но читать было можно. Потом нам принесли шахматы. Шахматы осматривать не стали, хотя и хотели. Это мы узнали, поскольку общались с охраной.

Раз в неделю можно было звонить официально — по минутке по местному телефону. Но поскольку смены были все время разные, то мы часто этим пользовались. Говоришь одной смене, что тебе надо позвонить. А потом другой говоришь, что ты не звонил, и эти тоже разрешают.

К.: Кому ты звонил?

В.Ч.: Я звонил маме. Некоторые переживали, что им девушки не пишут. Один парень позвонил своей девушке, а она себя как-то непонятно вела, и он расстраивался. Совсем она его не поддерживала, не участвовала в передачах, по телефону не особо рада была его слышать. А это довольно важно, так как чувствуешь, что с тобой поступили несправедливо. Ты изолирован, хотя ничего страшного не происходит. Это же не срок или тюрьма где-нибудь в Чите. То есть, в принципе, ты находишься в Москве, ты знаешь, что есть люди, которые могут хотя бы поднять шум, если что-то плохое произойдет. В нашу поддержку даже пикет проводили — пришли человек пятьдесят. Это было очень приятно.

К.: Как вы об этом узнали?

В.Ч.: Нас возили на апелляцию. Наши защитники подали в суд, а рассматривать апелляцию вышестоящие инстанции обязаны в тот же день. В суд меня везли в наручниках — так они решили почему-то. Мой защитник подал в суд раньше всех, мы успели оформить на него доверенность для ведения дел, и меня повезли первым. Пока остальные только оформляли доверенность.

К.: Руки за спиной сковали?

В.Ч.: Нет, просто зафиксировали. Со мной еще ехали семь или восемь милиционеров. Когда они досматривали вещи, то взяли себе несколько наклеек агитационных и наклеили их в машину.

Перед зданием суда собрались несколько людей в мою поддержку и даже одна журналистка. Передали мне что-то в машину. Правда, я вышел из машины, а потом мой кортеж поменялся. Следовательно, газетка, зефир и прочие вкусности уехали.

Одна якобы свидетельница, а на самом деле сотрудница полиции из какого-то оперативного отдела, кандидат в мастера спорта по самбо, вела себя совсем как-то неадекватно. Ударила в висок корреспондента, хозяйку сайта «хиппи.ру», за то, что та ее фотографировала. Девушку увезли на скорой. Полицейские стали прятать эту лжесвидетельницу, пытаюсь что-то придумать, чтобы ее не задержали. В результате ее посадили ко мне в машину. Она предлагала мне меня побить. А я говорил, что это не самая лучшая идея.

К.: Как это получилось?

В.Ч.: Ну, сидим мы с ней, и она уже совсем не знает, куда себя деть. И говорит, давай я тебя побью? Может, веселее мне станет? Я сказал, что веселее вряд ли, а проблем больше. И надо вести себя по-человечески. Ну, она повыпендривалась еще немного и успокоилась.

Еще было смешно: люди заблокировали нашу машину, чтобы эту свидетельницу не спрятали, и при этом вызвали милицию из другого отделения. Милиционеры были просто в панике. Хотели устроить разгон тех, кто блокировал машину. А мне было уже довольно тяжело: ситуация затягивалась, было очень нервно, я сидел в наручниках с этой бешеной бабой, и мне дико хотелось в туалет. Меня просто корчило. А мне говорили: сиди, сейчас другая милиция приедет. Потом эту девку провели в суд через задний вход, а меня повели через главный. Я уже просто бежал в суд, очень хотелось в туалет.

К.: Не подготовился к суду.

В.Ч.: Просто меня забрали с прогулки. Я там сидел, отдыхал, вдруг подошел милиционер, схватил меня, надел наручники — и в машину. Как-то было неприятно, потому что я не знал, куда меня везут. А потом, когда узнал, то, конечно, расслабился.

На суде судья отклонила большинство ходатайств. Еще было неприятно, что сидишь в клетке. Хотя считается, что это нарушение прав. В клетке, да еще и в наручниках. Я не буйный, не уголовник. Это называется «незаконное применение специальных средств».

К.: Это психологическое давление?

В.Ч.: Нет, это просто привычка так обращаться с людьми. Для мамы, для знакомых это был очень неприятный момент — видеть своего сына и друга в наручниках, сидящим в клетке. Судья все быстренько рассмотрела и оставила приговор в силе. Десять суток. Но я уже отсидел двое суток в изоляторе и сутки в суде. Все это вроде как засчитали.

К.: А работать тебе там не приходилось?

В.Ч.: Да, было дело. Хотя политическим положено отказываться от работы, но когда долго сидишь, начинаешь дуреть от замкнутого пространства. И мы решили не отказываться от работ. Только один человек, который объявил голодовку, отказался. Ему просто физически это было тяжело. А мы подметали внутренний дворик.

Один раз мы поехали за территорию изолятора, в большой гараж, который был набит автозаками. Очень хотелось их испортить, но нечем было, да я и не понимал, как их испортить. Раньше были автобусы, в которые людей засовывали на демонстрациях. А теперь снова стали применять автозаки. Видимо, для психологического давления. Автозак — это тюрьма на колесах для перевозки заключенных. Там одна или две лавочки, практически нет света. Убогая вентиляция. И мы их немножко чистили, подметали. Находили при этом всякие забавные вещи. Понятно, что если их стали часто применять для разгона демонстрантов, то человек, находясь там какое-то время, не может ни в туалет сходить, ни поесть. Я нашел пакетик с какашкой, два раза завязанный. Кто-то нашел несколько использованных презервативов — видимо, людям было скучно долго сидеть в автозаке, и они решили воспользоваться ситуацией. Темно, романтика... Почему бы и нет? Еще шприцы находили. Один инсулиновый, а другой явно наркоманский.

Вообще-то, когда видишь двадцать таких тюрем на колесах — это довольно угнетающая картина. Мы их просто подметали обычными вениками. И если знаешь, что тебя легко могут шесть часов продержать в автозаке, то совсем по-другому воспринимаешь эти картины и эти пакетики в таком помещении, в котором и разогнуться-то толком нельзя.

К.: Находясь в изоляторе, вы видели других заключенных?

В.Ч.: Видели. Там было не очень много камер. Чаще всего это люди, попадающие по хулиганству, они либо пьющие, либо часто пьющие. Был один человек, который лепил из хлеба фигурки. Попадал он туда по несколько раз в год — видимо, выпивал, и его сажали достаточно регулярно. Вообще таких людей довольно много, но там все буйство из них быстро пропадало. Пить нечего, и они там просто трезвели, приходили в человеческий вид.

Был один уголовник — мерзкого вида, с очень мерзким смехом и повадками. Сидит на корточках, когда курит, разговаривает, по сути, на каком-то непонятном языке, с мерзкими шутками. Такой утрированный ээк. Поскольку мы все были знакомы между собой и держались достаточно сплоченной компанией, видимо, его мышление уголовника отнесло нас к местным авторитетам. И он пытался с нами законтачить. За что он там сидел, было непонятно. Там и так не принято об этом спрашивать, хотя все спрашивают. Ну, отвечают, что подрался, похулиганил. Но этот предпочитал молчать. Подозрительный тип. Мы его потом как-то встретили на акции. Он пришел вместе с какими-то фашистами и орал что-то, типа «смерть жидам и пидорасам». Но мы не поняли, узнал он нас или нет. Может, это был какой-то специальный подсадной человек, провокатор. Какой-нибудь уголовник на крючке МВД или ФСБ. Судя по тому, что мы его встретили, он явно сотрудничает с органами.

Ну вот, а мы стали «политическими». Один сержант расспрашивал нас про наркотики, мы даже прозвали его «сержант кокс». Он признался, что пробовал кокаин, и интересовался, как наркотики влияют на сексуальную сферу. С нами сидел человек, который на втором высшем хорошо выучил фармакологию, нейрологию, сам даже что-то пробовал. Вот сержант нас и расспрашивал.

Так что постепенно с нами стали общаться. А где-то сутки на пятые даже выдали по дополнительному матрасу.

Были смешные ситуации, когда в нашу камеру заходил полицейский, а с нами сидел человек, бывавший на сборах и имевший звание выше, чем у самого стража. И вот заходит полицейский с маленькими-маленькими погончиками, и ему отвечают: «Дежурный по камере — лейтенант такой-то». У него сразу наступала оторопь. Он слегка терялся. Заходишь, а тут человек с более высоким званием — им даже и неприлично командовать.

К.: Какое у тебя было чувство, когда тебя выпустили?

В.Ч.: Какая-то дурость. Нас должны были выпускать в час. И такое было беспочвенное возбуждение, предвкушение, что вот, ты сейчас выйдешь, а там...

К.: Гражданка?

В.Ч.: Да! Ты теперь выходишь «на свободу с чистой совестью», ты исправился. Это я шучу, но дикий ажиотаж действительно был. Хотели кричать всякие лозунги полиции, стучать в двери! Но настолько активно мы себя не проявили — играли в шахматы, курили, ходили туда-сюда. Не знали, как себя занять. Смешно было. Полицейские протоколы фальсифицируют, и им кажется, что правильно записывать, что люди задержаны в разное время, а не одновременно, как на деле. И вот одному человеку было записано на сорок минут позже. Мы выходили по очереди и потом сорок минут его ждали. А он сидел один, читал на свернутом матрасе. Нас встречали с шариками, даже были какие-то репортеры.

К.: Вы сразу поехали отмечать?

В.Ч.: Я поехал мыться, потому что нас не мыли. Был один забавный эпизод. Мы сидели уже неделю. И человек, который был на голодовке и сидел отдельно, стал требовать, чтобы нас помыли. Угрожал, что объявит сухую голодовку, и мы стали поддерживать его: мол, пора мыться, что за беспредел! В итоге нас отвезли мыться на Петровку 38, в самую культовую ведомственную тюрьму. Но там было очень неприятно, поскольку там моются постояльцы Петровки, настоящие уголовники.

К.: У вас были с собой тапочки хотя бы?

В.Ч.: Нет, но там было очень чисто. А так — что успели взять, то успели. Был один тюбик шампуня на всех. Там такие маленькие ванночки и очень большой напор воды. И потом нас отвезли обратно.

К.: Понятно. Ну, и какие выводы ты из всего этого сделал?

В.Ч.: Вообще-то, когда выходишь, то понимаешь, что порог чувствительности у тебя снижается. Словно уже не страшно, что тебя могут снова куда-то упечь. Словно понимаешь, что жизнь продолжается и там. И жить, даже что-то делать, писать, читать там можно. Ты уже не так панически боишься, что тебя могут задержать, что сутки или двое проведешь в отделении, что тебя куда-

то запрут. Становишься более авантюрным: ты знаешь, что за этим может последовать, и знаешь, что готов к такому.

К.: То есть ты готов сесть снова?

В.Ч.: Ну, если для меня невыход куда-то будет серьезным моральным вопросом, то я выйду — и сяду. Хотя знаю, что за этим может последовать. Например, могут возникнуть проблемы с работой. Но если надо, то надо — и хрен со всем остальным.

Некоторые люди, которые не прошли через это, но видели, как устанавливается слежка, как кого-то сажают, судят, — их это напугало. Они перестали участвовать в какой-либо деятельности. А те, кто через это прошел, уже не так боятся. Конечно, меня это сильно выбило внутренне. Я получил какой-то опыт... А с опытом ты грубеешь. Становишься менее восприимчивым. Например, если знаешь, что кого-то знакомого посадили туда же, уже не испытываешь какие-то эмоции. Просто делаешь то, что должен — передачи, рассказать знакомым, как туда добраться, что лучше передавать. Но не воспринимаешь это как что-то болезненное, не видишь в этом ничего ужасного. Какие-то знакомые в некоторых ситуациях чуть по-другому к тебе относятся. Другие, которые не очень вникают в то, что я делаю, относятся к этому как к приключению или, скорее, злключению. Ну, как если выпил человек плохой водки и отлежал неделю в больнице...